

особой фактуры. Некоторые из них выставлены на мраморных подставках [5, 75-88].

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать следующие выводы «Запретный императорский дворец» является величайшим архитектурным памятником Китая. Он восхищает своей красотой и убранством. Загадка его таится в глубоком смысле, которым его наделили при строительстве. Каждое его сооружение было выполнено с учетом древних традиций. Все в нем выполняет свою собственную и неповторимую роль. Архитектура этого дворца привлекает к себе своей неповторимостью, яркостью и уникальностью. Сохранив традиционные формы китайского зодчества, соединив в себе величественность форм, архитектурное совершенство и строгий порядок расположения, воплотив в себе идеи выдающихся китайских мастеров, он представляет собой один из самых блестящих архитектурных памятников мира и является жемужиной многовековой культуры Китая, а также является символом единства и величия нации.

Наряду со своей культурной и исторической значимостью, Гугун также представляет и экономическую значимость для Китая. В наши дни, дворцовый комплекс является одной из главных туристических достопримечательностей Пекина.

Для того чтобы, понять масштабы его экономического значения хотелось бы привести следующие факты:

Во время «золотой недели» китайского Нового года с 2 по 8 февраля 2011 г Пекин посетили 8,11 млн. туристов, что на 6,1% больше прошлого года. Такие данные были опубликованы Пекинской канцелярией по делам национальных праздников и Пекинским управлением по делам туризма [6].

Доходы от туризма достигли 3,11 млрд. юаней (\$472 млн.) при увеличении на 6,4%. Эти цифры стали новыми историческими рекордами, сообщает «Синьхуа». В праздничные дни 11 крупных парков Пекина, включая парк Ихэюань, Храм Неба, парк Бэйхай, и «Запретный императорский город» посетили 1,8 млн.

человек, что на 15% больше, чем за то же время в 2010 году. «Запретный императорский дворец» является самым посещаемым культурным памятником. По данным управления по делам туризма за семь дней его постели примерно 700 тыс. человек. Доход составил примерно (\$ 12,3), что на 10% больше чем в то же время в прошлом году. Это данные только одной недели, если исследовать данные за прошедшие годы и попытаться проанализировать будущий доход, то мы можем представить, какой колоссальный доход приносит этот уникальный памятник [6].

Удивительно то, что на протяжении стольких сотен лет китайскому народу удается успешно сохранять и применять свои архитектурные традиции, заложенные далеко в прошлом, которые по сей день восхищают своей красотой и по сей день, что не мало важно отметить, приносят прибыль.

\*\*\*

1. Непомнящий Н.Н. 100 Великих Тайн Востока.- Москва: Издательство «Вече», 2008.-480с.
2. Ионина Н.А. 100 Великих дворцов мира.- Москва: Издательство «Вече», 2004.-480с.
3. Ли Цин Си. Традиционная архитектура Китая.- Пекин: «Межконтинентальное издательство Китая», 2002.-208с.
4. Ащепков Е.А. Архитектура Китая.- Москва: «Государственное издательство по строительству и архитектуре», 1959.-306 с.
5. Ли Вен Жи. Гугун. Исторические события.- Пекин: «Издательство университета обороны», 2003.-492с.
6. [http:// www.xinhua.cn](http://www.xinhua.cn)

\*\*\*

In this article semantic and ideological plans of architectural structures of the cultural-historical complex «Gugong» («Imperial Forbidden city») are considered as the principal causes of its popularity.

\*\*\*

Мақалада элем туристерінің қызығушылығын күннен күнге жандандырып отырған себептердің бірі ретінде Қытайдағы «Гугун» тарихи-мәдени мұражайы («Жабық император сарайы») сәулет құрылыстарының семантикалық сипаты және идеологиялық мәні қарастырылған.

**П.Е. Бектурганова, З. Джадайбаева**

#### О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В КАЗАХСТАНЕ

Китай - крупнейшая в мире развивающаяся страна, а Казахстан является экономически сильной страной среди стран СНГ. В настоящее время, когда неуклонно углубляется процесс экономической интеграции, обе страны строят

рыночную экономику, проводят экономическую реформу и выступают за развитие регионального экономического сотрудничества. Как соседние страны, соединенные общими горами и реками, непрерывное повышение объема и

уровня двустороннего торгово-экономического сотрудничества отвечает интересам Китая и Казахстана, благоприятствует экономическому развитию двух стран на благо двух народов. Правительства обеих стран прилагают неустанные усилия для развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Китайское правительство поощряет свои предприятия сотрудничать с партнерами Казахстана на основе равноправия и взаимовыгодных условиях [6].

Китай занимает 2-е место (после ЕС) в списке торговых партнеров Казахстана. Доля КНР во внешней торговле РК превышает 17 %. Казахстан является вторым среди стран СНГ (после России) торговым партнером Китая [3].

Все мы видим и понимаем какое значение в развитие экономике Казахстана вносит предпринимательская деятельность Китая, поэтому в данной статье были поставлены задачи дать характеристику специфике ведения бизнеса китайцами, а также рассмотреть начальные шаги предпринимателей Китая на казахстанском рынке.

В настоящее время на границах СУАР КНР действует 6 погранпереходов, действующих с Казахстаном: Хоргос, Дружба – Алашанькоу, Бахты, Джеминау, Алексеевка – Акчюп, Долаты. Ежегодный объем проходящего товара составляет в Хоргосе- 2000 тонн, Алашанькоу- 2,7 млн. тонн, Бахты, Джеминау и Алексеевка – Акчюп - около 4000 тонн [3].

В 1991 году распался Советский Союз и фактический произошел развал единой системы управления, в том числе, и внешнеэкономической деятельности, что не могло не оказать влияния на характер отношений между Казахстаном и Китаем. Товарный дефицит, образовавшийся на казахстанском рынке, нужно было чем-то заполнять. 31 июля 1991 г. в Кульдже между Казахстаном и СУАР подписывается соглашение, предусматривающее развитие так называемого «шоп-туризма», расчеты по которому осуществляются только в свободно конвертируемой валюте, и казахстанский рынок довольно быстро заполняется китайскими товарами из соседнего Синьцзяна [1, 42]. По данным китайской прессы, с января по октябрь 1992 г. СУАР по линии «шоп-туризма» посетило 116 тыс. граждан стран СНГ, что в 5 раз меньше, чем два года спустя. Эти лица приобрели товаров на сумму 441 млн. юаней, что составляет более 5,5 млн. долл. Среди причин стремительного развития челночного бизнеса можно отметить экономический спад, безработицу, низкую платежеспособность большинства населения республики Казахстан.

Кроме того, после образования независимого государства Казахстан, потребительский рынок оказался в вакууме и быстро был заполнен китайскими предпринимателями, искавшими быстрого обогащения. Торговля осуществляется без учета государственных интересов, на основе личной выгоды. Однако челночная торговля - неперемный атрибут приграничной торговли развивающихся государств и имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Торгово-экономическое партнерство на уровне «кульджинской барахолки» становится правилом, «шоу-уй» – общение на пальцах – с успехом заменяет серьезные деловые переговоры, получаемая личная прибыль – расчеты экономической эффективности и приоритет государственных интересов. Реализуя приобретенный по бросовым ценам и сомнительного качества китайский ширпотреб и другие товары, «предприниматели» обеих сторон, представленные, главным образом, частными лицами и сомнительными «фирмами», получали баснословные барыши, а за счет подкупа государственных чиновников – возможность доступа к лицензионным экспортным поставкам [1, 45].

Китайские же «бизнесмены», с одной стороны, сбывали некондиционную и не пользующуюся спросом на внутреннем рынке продукцию, а, с другой – приобретали стратегически важные для экономики КНР сырье, материалы и оборудование (последнее, в большинстве своем, продавалось как простой металлолом). Тем самым на практике реализовывалась главная политическая установка – «...использовать благоприятный момент в интересах максимального развития Китая и отдельных его регионов» [1, 45].

Наряду с серьезными недостатками и упущениями, имелись и определенные положительные моменты. Например, то, что казахстанский потребитель получает те товары, которые не вырабатывает промышленность и учитывая низкий уровень платежеспособности, по относительно низкой цене; люди, на постсоветском пространстве, не оказываются безработными и не обременяют государство; во внешнеэкономическое сотрудничество вовлекается большее число предприятий различных отраслей; этот период также помог раскрыть недостатки финансовой, договорной, налоговой и других систем [1, 46]. Из сложившейся на тот момент картины мы видим, что суверенитет Республики Казахстан обернулся на пользу экономическому развитию Китая. Благодаря оперативно принятым Китаем мерам, направленным на расширение самостоятельности приграничных регионов в плане ведения внешнеэкономической деятель-

ности, перед ними открывались фантастические возможности. Во-первых, Синьцзян получал столь необходимые ему сырье и материалы. Во-вторых, увеличение спроса на продукцию легкой и пищевой промышленности вело к возникновению новых рабочих мест, чем решалась проблема «избыточных трудовых ресурсов». В-третьих, в местный бюджет вливались немалые валютные поступления. Наконец, в СУАР возникла масса ориентированных на выпуск экспортной продукции предприятий, которые существенно изменили не только структуру промышленности автономного района, но и структуру его экспорта и импорта. И именно это заложило фундамент не только для стремительного роста валового объема стоимости китайского импорта [1, 48].

В целом, Казахстан, является главным объектом экономического интереса Китая в Центральной Азии. Масштабы присутствия КНР в РК на протяжении постсоветского периода поступательно растут и уже представляются значительными. Причем, если первоначально китайский экономический интерес затрагивал преимущественно торговую сферу, что лишь в несущественной степени сопровождалось развитием транспортно-коммуникационных связей, то со второй половины 90-х годов XX века уже стали отчетливо просматриваться более системные усилия КНР по активизации проектно-инвестиционной деятельности в РК. Основными направлениями этих усилий продолжает выступать нефтегазовая отрасль и обслуживающий ее транспорт и коммуникации. Кроме того, с начала XXI века стала наблюдаться и все более устойчивая тенденция диверсификации китайского присутствия в Казахстане по отраслям экономики. Республика Казахстан, в свою очередь, всячески содействует дальнейшему проникновению КНР в свою экономику, а в последние годы пытается нацеливать китайский интерес на несырьевые и промышленно-инновационные сектора.

Именно так проходило «знакомство» суверенного казахстанского рынка с первыми китайскими предпринимателями, когда на казахстанском внутреннем рынке наблюдался своеобразный «китайский бум» [1, 46].

Из столь недолгого «сотрудничества» уже можно составить мнение о наличии в китайском характере предприимчивости и прагматичности, некоей «коммерческой жилки». Это далеко не объективное мнение, однако исторически сложилось так, что любые виды коммерции развиты в Китае с древнейших времен, при этом представление о ведении дел несколько отличается от привычных нам. По большей части в

силу клановой и корпоративной психологии китайцев. Китайцы не стремятся занять в отношениях с партнером активной позиции, напротив, они ожидают, когда партнер предпримет какие-то действия. Если же существует потребность в действиях или как только становится очевидным противостояние двух сторон, привлекают посредников. Отличается от привычных нам и политика деловых встреч, которые служат не для принятия решения, а для сбора информации о партнере, решение же принимается после переговоров, после обсуждения в своем кругу. Фактическое содержание ответа, который можно получить от китайцев в результате переговоров, скорее всего будет лишь малой частью того значения, которым наполнено происходящее. В китайской деловой этике существует целый ряд негласных правил, так, например, не принято высказывать свое недовольство действиями начальства, что отражает жесткую иерархичность структуры бизнеса. Важные значения имеют для делового мира Китая понятия о формальной чести и достоинстве, поэтому очень редко китайские предприниматели выходят на открытый конфликт, всегда грозящий «потерей лица». Также необходимо отметить традиционное для Китая недоверчивое отношение к иностранцам, которое, однако, проявляется в исключительной вежливости и предупредительности. Тем не менее, в названии всех без исключения совместных с иностранцами предприятий используется слово «*vai*», означающее «чужой», «внешний», «периферийный» [4].

В заключении можно сказать, что предпринимательство у китайцев в крови. В первой половине 90-х годов, когда экономическое присутствие Китая в Казахстане ограничивалось исключительно торговой сферой, в этот период объемы китайских поставок товаров находились в пределах 130-250 млн. долларов в год (а двусторонний товарооборот – 210-450 млн. долларов ежегодно) [4]. Поставки китайских товаров широкого потребления играли и до сих пор продолжают играть ключевую роль в насыщении потребительского рынка Казахстана. Кроме того, Казахстан еще стал получать дополнительную прибыль от реэкспорта китайских товаров в соседние страны, в первую очередь Узбекистан и Россию.

Во второй половине 90-х годов процесс экономического проникновения КНР в РК заметно интенсифицировался. Это выразилось как в расширении присутствия китайских производителей на потребительском рынке Казахстана (в период 1996-2000 годов объемы китайских поставок находились уже в пределах

250-460 млн. долларов в год, а двусторонний товарооборот – 490-825 млн. долларов), так и в увеличившейся проектно-инвестиционной активности компаний из Китая [4]. Важным стимулом повышения китайского интереса к Казахстану явился рост потребностей экономики КНР в энергоресурсах, в первую очередь в нефти. Ведущие китайские нефтегазовые корпорации стали приобретать активы в нефтегазовой отрасли РК и приступили к освоению ряда углеводородных месторождений на западе страны. В начале же XXI века активность Китая в плане проникновения китайских предпринимателей на Казахстанский рынок возросла еще более кардинально.

Из проведенного анализа о специфике работы китайских предпринимателей можно сделать вывод, что единый язык международного бизнеса не применим в случае работы с китайцами. Китайцы воспринимают задачу, идя от общей цели к частностям, в то время как мы работаем по схеме – от частного к общему. Проведя опрос среди предпринимателей Казахстана, сотрудничающих с предпринимателями Поднебесной можно отметить потрясающую особенность – это удивительное чувство ответственности за поддержание «лица» Китая. Даже в самой напряженной и накаленной обстановке представитель китайского бизнеса, будь то приграничная торговля на уровне «кульджинской барахолки» или компаний междуна-

родного уровня, таких как CNPC, всегда помнит, что он, как бы громко это ни звучало, представляет великую страну.

\*\*\*

1 Сыроежкин К. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Книга 1. Алматы, 2010. -336 с.

2 Китайский Совет по Поощрению Международной торговли (ССПИТ)// [Http://english.ccpit.org/](http://english.ccpit.org/)

3 Казахстанско-Китайские отношения. Справка МИД РК за 2010. (Предоставлена Департаментом Азии и Африки МИД РК)

4 Таевский Д. Китайский синдром: Предпринимательство как менталитет// Журнал «Неприкосновенный запас», М., 2007. - №1.

5 Парамонов В. Экономическое присутствие Китая в Казахстане// Аналитический Журнал «Дальний Восток», М., 2010.

6 Интервью бывшего посла КНР в РК господина Чжоу Сяопэйна// «Новое поколение», Китай, 2004.

\*\*\*

Макалада Қытай кәсіпкерлерінің Қазақстан Республикасында айналысып жүрген қызметіне сипаттама берілген, олардың негізгі кәсіпкерлік бағыттары, іс жүргізудегі ұлттық ерекшеліктері сарапталған. Қазақстандағы Қытай кәсіпкерлерінің негізгі мәселелері қарастырылған.

\*\*\*

In article attempt to present an overall picture of presence of Chinese businessmen in the Republic of Kazakhstan market becomes. Give the characteristic to specificity of business dealing of east partner. Fields of activity of Chinese businessmen in Kazakhstan are considered. Problems and prospects in development of Chinese business in Republic Kazakhstan are discussed.

**П.Е. Бектурганова, Н.Р. Мамедахунова**

## ОЦЕНКА ДИНАМИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Экономика КНР в последние 30 лет постоянно растет и в 2009 году занимала 3 место в мире по величине номинального ВВП (после США и Японии). ВВП в 2009 году равнялся 5,02 трлн. долларов. По данным 2010 года, в апреле-июне Китай обогнал Японию по этому показателю. По ВВП с учётом паритета валют Китай на 2-м месте в мире (по данным МВФ 10,1 трлн. долларов в 2010 году, прогноз на 2011 год -11.2 трлн. долларов), уступая только США [1].

Данная статья посвящена изучению динамики инфраструктуры, как главной двигающей отрасли китайской экономики на современном этапе, так как благодаря стабильному развитию инфраструктуры экономика Китая постепенно выходит на передовые позиции в мировой экономике. В статье ставится задача определить эффективность китайской экономической стра-

тегии в процессах интеграции и глобализации, а также выявить перспективы Китая на ведущую роль в мирохозяйственных процессах.

Современные экономические системы основаны на устойчивых, хорошо спланированных системах инфраструктуры. Мобильность, коммуникации и жизненное пространство становятся сложными проблемами, которые необходимо решать по мере роста населения и развития экономики. Китай начиная с 2000-х годов инвестирует в инфраструктуру 8–10% ВВП, Индия – 4–6%, Россия же едва дотягивает до 1–2% [2]. В ноябре 2008 г. Китай объявил о намерении потратить 580 млрд. долл. на развитие инфраструктуры. В настоящее время Китай находится на стадии глобального обновления своей транспортной инфраструктуры. До сегодняшнего дня китайская экономика росла, несмотря на неразвитость инфраструктуры, но